

Фразеологические единицы в произведениях М. Горьцкого и их переводах на русский язык

Фразеологизмы являются одним из важнейших художественно-изобразительных средств в художественной литературе, играют важную роль в создании образов и стилистических эффектов. Фразеологические единицы (ФЕ) при всем своем разнообразии отражают специфику языка, его самобытность, являются отражением многовекового опыта и национального видения мира. Фразеологические единицы «как по своей структуре, так и по своему значению являются самыми сложными синтаксическими единицами языка» [7, с. 30], что, составляя их специфическую особенность, осложняет их воспроизведение в переводе. Выбор средств передачи фразеологических единиц – одна из важнейших проблем теории и практики перевода, т.к. ФЕ, будучи одним из важных источников обогащения процесса коммуникации и общенародного языка в целом, несут значительную эмоционально-экспрессивную и функционально-стилистическую нагрузку в художественном тексте. При переводе фразеологических единиц с белорусского языка на русский необходимо учитывать тот факт, что в результате постоянного развития и взаимодействия фразеологических фондов русского и белорусского языков в условиях близкородственного билингвизма между фразеологическими системами русского и белорусского языков сложилась сложного характера соотносительность. Эту соотносительность и причины данного явления можно представить следующим образом. В русском и белорусском языках есть общие и дифференциальные фразеологизмы. Козырев И.С. выделяет след. причины, по которым могут в двух близкородственных языках возникать общие фразеологические единицы: 1) наследование их из языка-основы (древнерусского); 2) заимствования друг у друга; 3) самостоятельное появление в каждом из языков в силу сходства в развитии, общих внутренних и внешних условий их формирования; 4) заимствования из общих источников; 5) заимствования из разных источников, случайно совпавшие; 6) калькирование одних и тех же иноязычных фразеологизмов [6, с. 258]. Среди дифференциальных ФЕ выделяются следующие группы: 1) дифференциальные ФЕ как результат наследования не совпадающего по объему фразеологического фонда древнерусского языка, что было обусловлено, главным образом, диалектным членением древнерусской территории, различными путями формирования литературных языков; 2) дифференциальные ФЕ как результат неравномерной утраты и видоизменения фразеологизмов, унаследованных из древнерусского языка в истории русского и белорусского языков; 3) дифференциальные ФЕ, являющиеся заимствованиями различных эпох; 4) дифференциальные ФЕ, представляющие собой новообразования различных эпох в каждом из языков [6, с. 269]. Кроме того, если говорить о причинах дифференциации ФЕ, об их сходстве и различиях в русском и белорусском языках, следует иметь в виду, что «большинство фразеологизмов первоначально были свободными сочетаниями, заменяемость компонентов была для них естественна. Следовательно, в основе устойчивого оборота может быть несколько сочетаний, взаимозаменяемость компонентов для которых – обычное явление. В этом плане эволюция ФЕ предстает как движение от вариантного многообразия к синтаксическому и компонентному единообразию, от «антинормы» к норме. Так, из

ряда переменных сочетаний типа *закинуть перемет* (*донку, жерлицу, сети, невод*) лишь одно получило переосмысление и фразеологически «нормировалось» – *закинуть удочку* [8, с. 13]. Эта эволюция при тесном взаимодействии языков в условиях близкородственного билингвизма могла привести к закреплению в каждом их языков фразеологизмов с разными компонентами, разной степени дифференциации.

Изучение особенностей функционирования фразеологизмов в оригинальных текстах произведений М. Горьцкого и их русских переводах показывает, что степень общности и степень дифференциации соотносительных ФЕ (адекватных в плане содержания) может быть различной в плане выражения (грамматическая и фонетическая форма, компонентный состав, грамматические характеристики). Можно выделить следующие позиции соотносительности ФЕ русского и белорусского языков:

1. ФЕ белорусского и русского языков целиком совпадают по компонентному составу, но имеют некоторые отличия фонетического характера, в том числе акцентологического: (*гатоў, рад і пад.*) *скрозь зямлю' прасаліцца* – (*готов, рад*) *сквозь зе'млю провалиться, надаваць аплявух – надавать оплеух, сядзець на бабах – сидеть на бобах, валіць валам – валить валом, ісці дымам – идти дымом, воўкам выць – волком выть, біцца як рыба аб лёд – биться как рыба об лёд, зайсці ў тупік – зайти в тупик, пароць гарачку – пороть горячку, задзіць за нос – водить за нос, ламаць рукі – ломать руки, сэрца зайшлося – сердце зашлось, даваць (задаваць) перцу (каму) – задавать перцу (кому), ламаць (паламаць) <сабе> галаву' (галовы) – ломать го'лову, убіваць (убіць) у галаву' – убивать в го'лову и т.д.*

2. ФЕ белорусского и русского языков совпадают по лексическому составу, но их соотносительные компоненты различаются своими грамматическими значениями (рода, числа, падежа, времени и т.д.): *паміж неба і зямлі* (Р.п.) – *между небом и землей* (Тв.п.), *прыбраць да рук* (Т.п.) – *прибрать к рукам* (Д.п.) и под.

3. Соотносительные ФЕ белорусского и русского языков в своем составе имеют компоненты, различающиеся в фонетико-графическом и лексико-этимологическом отношении, но тождественные по семантике: *сэрца зышчы мела – сердце ёкнуло, тлуміць галаву – дурить голову, з жыру шалець – с жиру беситься, тарэшчыць вочы – таращить глаза, зуб на зуб не трапляе – зуб на зуб не попадает, язык свярбіць – язык чешется, несці крыж – нести крест.*

4. Соотносительные ФЕ белорусского и русского языков, компоненты которых различаются в лексико-этимологическом и фонетическом отношении и имеют разные грамматические значения (рода, числа и др.): *проза жыцця* (ср.р.) – *проза жизни* (ж.р.), *з вока на вока* (ср.р.) – *с глаза на глаз* (м.р.), *уводзіць у спакусу* (ж.р.) – *вводит в грех* (м.р.), *садзіць сабе скулу* (ж.р.) *на шыю – сажать себе чирей* (м.р.) *на шею, ставіць пытанне* (ср.р.) *рубам – ставит вопрос* (м.р.) *ребром, адным вокам* (ср.р.) – *одним глазом* (м.р.), *хоць вока* (ср.р.) *выкалі – хоть глаз* (м.р.) *выколи.*

5. Соотносительные ФЕ белорусского и русского языков различаются отдельными компонентами (одним и более), которые, однако, семантически сближаются, относятся к одному семантическому плану: *развязалася губа – развязался язык, сэрца замлела – сердце замерло, адвадзіць сэрца – отвести душу, звесці са свету – сжить со света, пускаць туман у вочы – пускать пыль в глаза, без памяці – без ума.*

6. Соотносительные ФЕ белорусского и русского языков лексически различаются одним компонентом, не совпадающим по семантике (иногда и по грамматическим значениям): *строіць дурня – валяць дурака, голы, як бізун – гол как сокол, кроіць сэрца – терзатъ сэрца, падсячы язык – прикусить язык, ні краю, ні меры – ни конца ни края, кроіць сэрца – терзатъ сердце, санкі трашчаць – за ушами трещит*.

7. Соотносительные ФЕ белорусского и русского языков полностью различаются по своему лексическому составу. Такие ФЕ тождественны или близки по значению, но различаются полностью или частично по лексическому составу, при этом их грамматическая структура может совпадать или не совпадать: *ні пса не варта – черт те что, ні хваробы не мае – хоть шаром покати, наша дзела – старана – наша хата с краю, на злом карку – сломя голову*.

Наблюдения показали, что наиболее частотны фразеологизмы первой группы (ФЕ белорусского и русского языков, целиком совпадающие по компонентному составу, но имеющие некоторые отличия фонетического характера, в том числе акцентологического), что в значительной степени обусловлено близкородственностью двух языков.

Изучение функционирования фразеологизмов в оригинальных – белорусских – текстах произведений М. Горьцкого и их русских переводах позволило выделить ряд фразеологических и нефразеологических приемов передачи ФЕ на русский язык. Среди них можно выделить следующие: 1) перевод ФЕ с помощью фразеологического эквивалента; 2) перевод с помощью фразеологического аналога; 3) замена ФЕ словом или сочетанием слов; 4) замена слова или выражения фразеологизмом (фразеологический способ номинации); 5) описательный способ.

Наиболее распространенным приемом является передача ФЕ с помощью **фразеологического эквивалента**, совпадающего по своему компонентному составу и структурно-грамматическому оформлению: *благім матам – благим матом; быццам з неба зваліўся – словно с неба свалился; валасы дыбам становяцца – волосы дыбом становятся; высоўваць нос – высовывать нос; гарачая голова – горячая голова; даваць перцу – давать перцу; даць стракача – дать стрекача; дзе наша ні пропадала – где наша ни пропадала; заговорваць зубы – заговаривать зубы; зайшлося сэрца – зашлось сердце; іграць першую скрыпку – играть первую скрипку; круціць носам – крутить носом; ламаць галаву – ломать голову; (як) кот наплакаў – (как) кот заплакал; ламаць рукі – ломать руки; лезці на ражон – лезть на рожон; макавай расінкі ў роце не было – маковой росинки во рту не было; махнуць рукой – махнуть рукой; мурашкі бегаюць па спіне – мурашки бегают по спине; надаваць аплявух – надавать оплеух; налівацца крывёю – наливаются кровью; на носе – на носу; не знаходзіць (сабе) месца – не находит (себе) места; ні бэ ні мэ – ни бе ни ме; ні слуху ні духу – ни слуху ни духу; пароць гарачку – пороть горячку; прадзіраць вочы – продирать глаза; прыліпаць як смола – прилипать как смола; сабак ганяць – собак гонять; сёмая вода на кісялі – седьмая вода на киселе; сесці ў колушу – сесть в калошу; скаліць зубы – скалить зубы и т.д.: Тут для Лёксы наступіў самы гостры сорам, і ёй было “хоць бы скрозь зямлю праваліся” як казалі пасля Мікітаўна і Мікітава нявестка [2, с. 180].– Тут для Лёксы наступила минута*

самого жгучего стыда, ей было «хоть сквозь землю провались», как говорили потом Микитовна и Микитова невестка [3, с. 59]. А Саўчанок зусім зжыўся, грошы, якія былі, на тавар пусціў, усё дымам пайшло [2, с. 176]. – А Савчонок вконец прожился, деньги, какие были, в товар вложил, все дымом пошло [3, с. 56]. Хоць воўкам вый, хоць кладзіся на лаву ды саішчымлівай рукі [1, с. 238]. – Хоть волком вой, хоть ложись на лавку да скрещивай руки [3, с. 436]. Мо ў шынку загуляўся гаспадар? А можа, б'ецца, як тая рыбіна аб лёд, здабываючы штодзенны кавалак хлеба, але няма яму ўдачы! [2, с. 267]. – Видно, загулял хозяин в шинке. А может, бьется как рыба об лед ради куска хлеба насущного, да нет ему удачи! [3, с. 147]. Рабочыя страцілі веру да лідэраў. І не ведалі, што ім рабіць. Зайшлі ў тупік... [1, с. 252]. – Рабочие потеряли веру в своих лидеров и, не зная, что же им делать, зашли в тупик [3, с. 449]. Пакуль тое ды сёе – ужо і сутонела [1, с. 283]. – Пока то да се, уже темнеет [3, с. 481]. – І бога няма, і цара не трэба... Але нельга пароць гарачку [1, с. 168]. – И бога нет и царя не надо... Но нельзя же пороть горячку [3, с. 366]. Старая паня ламае зора рукі, лямантуе, хапае ў пакаёўкі смяротную свечку... [2, с. 129]. – Старая барыня ломала в отчаянье руки, кричала... [4, с. 187]. Зайшлося сэраца ў Архіпа: сханіў ці не сханіў кажан волас з галавы ў яго? [1, с. 26]. – Зашлося серце ў Архипа; схватила или нехватила летучая мышь волосок с его головы? [4, с. 26]. З беларусамі яны (немцы) няньчыліся, і праз сваю газету ў беларускай мове “Гоман” яны ўбівалі беларусам у галаву, што ім будзе добра толькі ў сваёй асобнай дзяржаве – пэўна ж, пад нямецкай зверхнасцю... [1, с. 249]. – С беларусамі нянчились и через свою газетенку «Гоман» («Беседа»), выходившую на белорусском языке, вбивали им в голову, что хорошо будет только в отдельном государстве – конечно же под немецкой эгидой... [3, с. 447]. Прытупілася ўскрыманне, прыйшла проза жыцця [2, с. 232]. – Прытупилось восприятие, наступила проза жизни [3, с. 112]. Зноў паўстала пытанне рубам: ці варта ўважваць у тарыбу? [1, с. 252]. – Снова встал вопрос ребром: а стоит ли входить в тарыбу? [3, с. 449]. Аўгення, вядома, дзяўчына, не сказала старой пані з вока на вока, а бухнула ў сталовай за абедом, калі быў і прафесар [2, с. 130]. – Авгенья, ясное дело, ничего не сказала старой бырыне с глазу на глаз, а выпалила с занадкам за обедом, где был и профессор [4, с. 188] и др.

Широко распространён перевод **с помощью фразеологического аналога** – ФЕ, эквивалентных в плане содержания, но отличающихся формально полностью или частично: валасы ёжуца — волосы дыбом, голы як бізун – гол как сокол; заныла пад грудзьмі – засосало под ложечкой; звесці са свету – сжить со света; зрабіць самагубства – наложит на себя руки; лезці ў вочы – приставать как смола; лухту пароць – чепуху молоть; наша дзела – старана – наша хата с краю; ні хваробы не мае – хоть шаром покати; падсячы язык – прикусит язык; паказваць фігу ў кармане – показывать кукиш в кармане; песціць думкі – тешит себя надеждами; плясці плёткі — плести рассказы; плясці пляцень – придумывать сказки; пускаць туман у вочы – пускать пыль в глаза; развязалася губа – развязался язык; каб табе цвёрда на язык – чтоб тебе тупун на язык и др.: –...А то ж яго, гэтага Лахінскага, майстэрня, усе кажучь, ні пса не варта, не шыюць, а псуюць [1, с. 196]. – ...Но ведь у этого Лахинского не мастерская, а черт те что, повсюду только и слышишь – не шьют, а портят [3, с. 292]. – Які ён, чорта, вальнашляючы: у карты не гуляе і грошы ні хваробы не мае... [2, с. 371]. – Какой он,

к черту, вольношляющийся: в карты не играет и денег – хоть шаром покати... [3, с. 256]. Я ішоў, а калі усё паняслося на злом карку, я ўчарэніўся адзаду за тэлефонную двухколку, адарваўся, адкаціўся [2, с. 397]. – Я шёл, а когда все понеслось сломя голову, я уцетился сзади за телефонную двуколку, но не удержался, упал, покотился [3, с. 283]. Шчасцю майго бацькі не было тады ні краю, ні меры – ад адной толькі думкі, што гэта ж ён у людзі выходзіць, шаўцом будзе, боты будзе шыць, грошы вялікія зарабляць... [1, с. 148]. – Счастьё моего отца не было ни конца ни края – от одной лишь мысли, что вот он выйдет в люди, будет сапожником, научится тачать сапоги, деньги большие зарабатывать... [3, с. 346] и др.

Фразеологизмы, как известно, имеют обычно нерасчлененное значение, которое можно выразить одним словом: раскинуть умом - подумать, пятое колесо в телеге – лишний, вверх тормашками — навзничь, кот наплакал - мало и т. д. Однако эта особенность свойственна не всем фразеологизмам. Есть и такие, которые приравниваются к целому описательному выражению: запутаться на мель — попадать в крайне затруднительное положение, нажимать на все педали - прилагать все усилия для достижения или выполнения чего-либо. При переводе произведений М. Горьцкого переводчики часто заменяют ФЕ синонимичной им лексемой или используют описательный способ передачи фразеологизма. Примеры замены ФЕ синонимичным словом: Мы ўжо ставілі ў хатэ і "пратэсы", псалтыр чыталі і псалмы пелі, — нічога, рады няма, усяліўся нешта ў хаце і не дае спакою [2, с. 19]. – Мы уже ставили в углу и «хоругвы», псалтырь читали, псалмы пели - и все напрасно, поселился кто-то в хате и не дает покоя [3, с. 19]. Сам Архип некалі даваў гэтаму веры [2, с. 18]. – Сам Архип когда-то верил в это [3, с. 18]. Узяла на вока простага дзецюка [2, с. 112]. – Приглянулся ей простой парень [4, с. 181]. Але не спалі ў шапку і польскія ватрыёты [1, с. 180]. – Но не зевали и польские патриоты [3, с. 377]. По мнению Т.Н. Трипутиной, использование такого приема оправданно только в тех случаях, когда фразеологизм передается стилистически окрашенным словом или словом, употребленным в переносном смысле, в этих случаях сохраняется экспрессивно-эмоциональная наполненность оригинала. «Перевод фразеологических единиц словом ведет к определенному нарушению авторской концепции образов и их психологической неполноценности и обеднению речевой характеристики персонажей, к эстетическим потерям» [10, с. 18].

При описательном способе перевода ФЕ передается только содержание фразеологизма, но утрачивается его стилистическая окраска: Ой, божа мой! — стогне гаспадыня, — ой, божа мой! — Матрунка! Ідзі ты пратуры іх ад нашае хаты, каб не тлумілі галаву [2, с. 286]. – Ой боже мой! — стонет хозяйка. — Боже мой! Матрунка! Гони ты их от нашей хаты, мало мне других забот [3, с. 166]. На мяне ўсе забыліся, і я быў рад, што магу не лезці ў вочы без патрэбы [2, с. 326]. – Обо мне все забыли, и я был рад, что нет надобности быть на глазах у начальства [3, 210]. На наш взгляд, описательный способ передачи ФЕ и передача их словом являются наименее удачными способами, т.к. так как снижается экспрессивность, образность перевода. Эти способы уместны в тех случаях, когда

невозможно подобрать к фразеологизму соответствующий эквивалент. В данном же случае можно легко подобрать эквивалент: даваць веры – *принимать/принять на веру (что); давать/дать веру (чему); принимать за чистую монету (что); верить/поверить на слово (кому); узяць на вока* – *положить глаз (на кого); тлуміць галаву* – *дурить голову; лезці ў вочы* – *мозолить глаза*. Это касается и тех случаев, когда при переводе фразеологизм опускается: *Стары кунігас клаў далоні на галаву няшчаснай і ўзнімаў угору вочы і маліўся, аж дрыжучы ад нервовага парушэння: від гэтых мук кроіў яго сэрца*[2, с. 72]. – *Старый священник клал ладони на ее голову и горячо молился, дрожа от нервного возбуждения и переживаний* [4, с. 100]. *Гукнуў ён да сябе Арцёма, запёрся з ім вока на вока ў кабінце і ну яго пытаць* [2, с. 113]. – *Позвал к себе в кабинет Артема, закрыл двери и стал допытываться*[4, с. 182]. При таком переводе снижается образность, экспрессивность повествования.

Широко распространен в переводах произведений М. Горького **фразеологический способ номинации**, когда отдельные слова или выражения оригинального текста передаются синонимическими фразеологическими единицами. Этот прием используется как при переводе стилистически окрашенных слов белорусского языка, так и при переводе стилистически нейтральных слов и выражений: *Мне зрабілася ворашна* [1, с. 405]. – *У меня мурашки по спине пробежали* [3, с. 292]. *Падпаручнік пачырванеў-пачырванеў*[2, с. 330]. — *Подпоручик покраснел до корней волос*[3, с. 214]. *Недалёчка было Першае мая*[1, с. 254]. – *Не за горами было Первое мая*[3, с. 451]. *Тут трохі мыляліся, бо Лёкса ж русыявая*[2, с. 166]. *Тут немного дали маху, потому что Лёкса ж русенькая* [3, с. 45]. *Сеў я ў канаўку адначыць трохі*[2, с. 345]. – *Присел я в канавку перевести дух* [3, с. 229]. Такая замена слова или выражения оригинального текста синонимической ему фразеологической единицей в переводе практически не влияет на содержание перевода. Умелое введение фразеологизма в перевод придает предложению новый смысловой оттенок.

Наблюдения над функционированием ФЕ в оригинальных и переводных произведениях М. Горького показывает, что переводчикам при переводе ФЕ необходимо учитывать множество факторов языкового характера. Лишь в таком случае возможна адекватная передача художественного своеобразия оригинала. Поскольку ФЕ являются одним из ярких средств художественной выразительности, их адекватный перевод разными способами помогает донести до читателей все своеобразие языка и стиля произведений М. Горького.

Литература

1. Гарэцкі М. Збор твораў. У 4 т. Мн., 1985. Т. 3.
2. Гарэцкі М. Творы: Апавяданні, аповесці. Мн., 1995.
3. Горецкий М. Избранное: Повести, роман-хроника. Мн., 1989.
4. Горецкий М. Красные розы. Избранное. Мн., 1976.
5. Григораш А.М. Особенности перевода украинских глагольных фразеологизмов //Культура русской речи в национальных республиках. Киев, 1984.– С. 63-65.
6. Козырев И.С. Некоторые задачи сравнительного изучения фразеологии русского и белорусского языков //Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма. Мн., 1975.
7. Кунин А.В. Английская фразеология. Мн., 1970.
8. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980.
9. Покровская Э.Н. Украинская фразеология в русском переводе //Культура русской речи в национальных республиках. Киев, 1984.
10. Трипутина Т. Кампаратыўныя фразеалагізмы (фраземы) у творах Янкі Брыля і ў іх перакладзе //Беларуская фразеалогія, лексікалогія. Зб. арт. Мн., 1980.
11. Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 тамах. Мн., 1993.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. /Сост. А.И. Федоров. М., 1997.

УДК

Мормыш Л.С. Фразеологические единицы в произведениях М. Горьцкого и их переводах на русский язык

В статье объясняются причины появления общих и дифференциальных фразеологических единиц в русском и белорусском языках, рассматриваются приемы и способы передачи фразеологических единиц с белорусского языка на русский. Определены позиции соотносительности фразеологизмов русского и белорусского языков.

Библиогр. – 12 наим.

SUMMARY

In the article the author explains the reasons of appearing of common and defferential phraseological units in Russian and Belarussian languages, considers methods and means of transferring phraseological units from Belarussian to Russian language.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ